

САКРАЛЬНОЕ И МИРСКОЕ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В статье, исходя из феноменологической трактовки М. Элиаде, «священное» и «мирское» анализируются как элементы целостного опыта человека, содержащие свое иное в себе самом. Священное – неотъемлемый атрибут мирского не только в узкорелигиозном, но и широком социокультурном смысле. Для современного общества характерна сакрализация мирских явлений (рыночных отношений, идеологий, лидеров, культурных событий, светских ритуалов и т. д.). Мирское предстает как сакральное, претендуя на сокровенную, абсолютную истину, а сакральное реализуется в мирской жизни. Оно не противопоставлено мирскому, а органично вписывается в общественную жизнь.

В современной литературе сакральное понимается как мировоззренческая категория, обозначающая свойства, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения [1].

Вера в реальность сакрального, его непостижимую сверхприродную сущность – внутреннее основание религии. Религия отождествляет сакральное со «святым», «священным», то есть производит данное понятие от латинского «sacrum» и вкладывает в него буквальный этимологический смысл. Онтологически сакральное понимается как высшая божественная реальность, гносеологически – как абсолютно истинное, непостижимое разумом бытие, аксиологически – как высшая духовная ценность, принимаемая в качестве императива. Сакральное в религии – объект эмоционального почитания и поклонения.

Сакральное (священное) и мирское (обыденное) в религии – бинарные оппозиции, из которых мирскому приписывается негативное значение, а сакральное воплощает высший позитивный смысл, однако религия не останавливается на их оппозиции, а отдает приоритет сакральному во всех сферах бытия и познания. В религиозной картине мира сакральному отводится структурообразующая роль, оно принципиально отлично от мирского, фрагменты которого выстраиваются в единую систему, посредством высших сакральных сущностей.

Среди философов, социологов, психологов и других представителей гуманитарного знания имеют место как религиозные, так и нерелигиозные интерпретации сакрального, при этом сакральному нередко придается расширительный смысл, оно распространяется также на сферу мирского и используется как методологический принцип объяснения многих явлений общественной жизни. Термин «сакральное» был введен в философско-социологические исследования в конце XIX века с целью преодоления его узко религиозного смысла. Э. Дюркгейм, изучая историю религий, доказал, что религия – естественный продукт общественного развития и подлинный объект всех религиозных культов – общество. Анализируя различные религиозные верования, Э. Дюркгейм

обнаружил, что такие признаки сакрального, как неприкосновенность, отделенность, запретность представляют коллективные социальные установки. Сакральное в сущности своей социально, общественные группы, партии, лидеры приписывают своим идеям, целям, понятиям священный смысл и требуют бесспорного признания и подчинения от других членов общества.

По мнению Э. Дюркгейма, не сакральное определяет мирское, а напротив, священные объекты формируются на основе социальных установок и представляют «гипостазированную, коллективную, то есть моральную силу», созданы из идей и настроений общества (коллективное, мирское порождает священное, сакральное). Э. Дюркгейм подверг критике сведение религии к вере в божественное или сверхъестественное. По его мнению, религия как естественный и необходимый феномен общественного процесса имеет социальный смысл, она представляет коллективное сознание, которое вырабатывается обществом и принимается человеком в ходе социализации. Общественное сознание и религия связаны внутренним образом, так как общественные ценности сакрализируются, а религиозное воплощается в мирском; в религии общество обожествляет само себя.

Сакрализация – приписывание материальным предметам, действиям, людям, нормам поведения и т. д. священным или магическим свойств. Наиболее отчетливо она проявляется в религии, но характерна также для социальных отношений и объектов. Сакрализация в общественной жизни изучалась многими мыслителями XIX–XX веков.

М. Элиаде исследовал сакральное и мирское в русле феноменологии религии как определенную данность вне исторического контекста. Соответственно, религиозные феномены изучались в их конкретном существовании с последующей систематизацией и классификацией с целью обнаружения единства феноменов одного и того же типа. Если в онтологическом смысле сакральное тождественно абсолютной реальности, как бы растворяется в ней, то в феноменологическом значении сакральное представляет целостность, полноту переживаний человека. «Священное – это реальное в его совершенстве, это одновременно и могущество, и действительность, и источник жизни, и плодородие» [2].

В работе «Священное и мирское» М. Элиаде анализирует понятия, вынесенные в название, в их конкретном проявлении. Он выделяет священное и мирское пространство и время, священность природы и космических религий, человеческое существование и священную жизнь. Священное пространство есть нечто иное по отношению к мирскому, оно позволяет обнаружить «точку отсчета», некий «центр», предполагает некие святые места (храм, церковь). Мирское пространство относительно и однородно, в нем нет точки отсчета, а есть «аморфная масса бесконечно большого числа “мест”» [2, с. 24].

Мирское время – обычная протяженность событий, в которых разворачивается обыденная жизнь. Священное время всегда одно и то же и представляет продолжение вечности, его можно восстанавливать в религиозных ритуалах

бесчисленное количество раз. Мирское время нередко мистифицируется, ему придается некий сакральный смысл (числа, даты и т. д.). Подобно пространству и времени освящается природа. Будучи естественной сама по себе, для религиозного человека она представляет божественное деяние, нечто сотворенное.

Человеческое существование, мирское бытие, также сакрализуется. Человек может воспринимать труд, удовлетворение потребностей, игру, секс как нечто лишенное священности, но, начиная с первобытного общества, им придавался сакральный смысл (ритуальные жертвы, запреты, табу и т. д.).

Для нерелигиозного человека рождение, брак, смерть – конкретные жизненные события, не имеющие таинственного, сокровенного смысла, для религиозного человека они имеют сакральное значение. Но ностальгия о сакральности основных событий человеческой жизни сохраняется в обществе и обнаруживается во всевозможных гражданских ритуалах, которым сознательно или бессознательно придается священный смысл (празднование Нового года, дней рождения, годовщин свадьбы, поминовение усопших).

Итак, согласно М. Элиаде, сакральное и мирское – самостоятельные, но взаимосвязанные сферы бытия: сакральное вплетено в профанные нерелигиозные формы, а религиозное встраивается в мирское.

Для обозначения проявления сакрального в каком-либо объекте используется термин «иерофания» (от греч. «священный, святой», «являть»). Иерофания – обнаружение священного в какой-либо чувственной достоверности, «не-что священное, предстающее перед нами» [2, с. 17]. Человек обнаруживает священное в разных формах: космические явления, рост и смерть живых организмов, жизненные успехи и неудачи, сила государства и закона и т. д. Все, что выглядит непонятным, таинственным, недоступным, приписываются священные свойства. Не только религиозным, но и мирским объектам придается сакральный смысл.

Иерофания охватывает многие объекты бытия, но приданные объекту священные свойства не устраняют его мирской сущности. Проявляя священное, какой-либо предмет превращается в нечто иное, не переставая при этом быть самим собой. Черный камень мусульман в храме Кааба или христианские реликвии не перестают быть естественными предметами, хотя в них вкладывается священный смысл.

М. Элиаде не связывал себя с какой-либо конкретной конфессией; в восточных воззрениях, мифах, простонародных взглядах, мировых религиях он надеялся найти единый источник и создать теологию без Бога, место которого занимает сакральное. Сакральное, абсолютная реальность без имени и лица, должна быть основанием «планетарного гуманизма».

М. Эллиаде полагал, что религия не обязательно связана с верой в Бога, богов или духов, она может быть отнесена к опыту священного во всей его полноте. По его мнению, сакральное, как это ни парадоксально, представляет

элемент сознания нерелигиозного человека, поскольку в светских формах существует в общественной жизни.

Религиозный человек независимо от исторической эпохи и исповедуемой религии верит, что священное есть абсолютная, неизменная, вечная реальность, которая не только господствует над мирским, но и представляет творческое начало по отношению к миру и человеку, а история «заключена в мифах». «Воспроизводя в современной жизни события священной истории, повторяя божественные деяния, человек располагается и удерживается рядом с богами, то есть в реальном и значащем» [2, с. 126].

Основное отличие нерелигиозного человека состоит в том, что он отрицает абсолютную реальность Бога, соглашается с относительностью бытия, как материального, так и духовного. Нерелигиозные люди существовали на всех ступенях развития цивилизации, но лишь современный нерелигиозный человек «считает себя единственным субъектом и субъектом Истории и отрицает всякое обращение к Всевышнему». Исходя из исторической ситуации, «человек формирует себя сам, причем тем больше, чем больше удаляется он от священного, чем полнее десакрализирует мир. Священное – это главное препятствие на пути к его свободе, и он станет действительно свободным лишь тогда, когда убьет последнего бога» [2, с. 126].

Данная трактовка религиозности и нерелигиозности представляется весьма актуальной и значимой, но М. Элиаде не защищает и не оспаривает ее. Он развивает другую замечательную идею: принимая на себя «трагическую ситуацию», проявляя «мужество и величие», современный нерелигиозный человек происходит от *homo religiosus* и, вопреки своим желаниям, есть результат религиозных традиций прошлого и настоящего, продукт «разрушения священности человеческого существования» и потому не может «вытравить» из себя всякую религиозность. Он «несет на себе печать религиозного человека, из которого выхолощена, однако, религиозная значимость» [2, с. 127]. Мировоззрение и поведение неверующего мирского человека непоследовательно и противоречиво. Отвергая божественное, сакральное в религиозном виде, он придает скрытый или явный сакральный смысл земным, естественным явлениям и событиям. «Нерелигиозный человек в чистом виде довольно редкий феномен даже в самых обмирщенных современных обществах» (там же).

Мифологическое сознание, которое доминировало в античности, в народном сознании средневековья и Нового времени, переживает своеобразный ренессанс в духовной жизни XX–XXI веков. Сознание современного человека синкретично, представляет конгломерат разнородных, противоречащих друг другу знаний и взглядов на мир и самого себя. По своему содержанию оно хаотично; научное и ненаучное, обыденное и мистическое, реальное и фантастическое перемешаны в нем. И все это имеет мифологическую окраску. Вера в пророчества, гадания, колдунов, экстрасенсов и т. д. свидетельствует, что, как и

тысячи лет назад, «слабость спасается верой в чудеса». Мифологическое мироощущение – одна из важных характеристик современного массового сознания.

Божественное, трансцендентное как таковое мало интересует людей, в том числе тех, кто относит себя к верующим. Люди предпочитают поклоняться сакральному в мирском облики. Сакральное принимает форму чудес, фетишей, ритуалов. Мирское сакрализуется, а сакральное обмирщается.

Современный человек совершает множество действий, которые по внешней видимости имеют светский характер, но в них присутствует элемент сакральности. Различные жизненные события сопровождаются традиционными мирскими обрядами, но при этом в них вкладывается сокровенный символический смысл и они несут в себе отпечаток язычества или иных религий. Как точно подметил М. Элиаде, даже театр и кино выполняют мифологическую функцию, ибо позволяют человеку отвлечься от мирского, перенестись в вымышленный, иллюзорный мир. Даже чтение выполняет мифологическую функцию не только потому, что заменяет устный фольклор, «но прежде всего потому, что подобно мифу, позволяет человеку “выйти из Времени”», так как читая, «мы погружаемся в иные временные измерения», «переживаем другую историю» [2, с. 127].

Сакрализация относится не только к частным феноменам, но и к виртуальной реальности в целом. Многие люди придают ей исключительную значимость в гносеологическом, аксиологическом и даже онтологическом отношении. В виртуальной реальности человек живет, действует, развлекается. Виртуальная реальность освобождает человека от комплекса неполноценности, одиночества, создает иллюзию свободы и общения. Она, как и религия, выполняет компенсаторную функцию, восполняет практическое бессилие, недостатки интеллекта, образования, эмоциональной жизни, но она нередко подчиняет себе личность, человек превращается в ее придаток. Проблема состоит в том, что человек подстраивается под виртуальное, формирует личные свойства по его образу и подобию. Таким образом происходит своеобразное обожествление виртуальной реальности, наделение ее исключительными свойствами, сакральной значимостью. Более того, виртуальное замещает мирское, максимально поглощая его, и, подобно божественному, господствует над ним.

Сакрализация достижений научно-технического прогресса обнаруживается во всевозможных технократических концепциях. Предполагается, что с развитием информационных технологий будут решены глобальные проблемы и создан новый тип работника, сочетающего образованность, креативность и деловитость. При этом слабо учитываются или сознательно скрываются реальные опасности информационного общества: стандартизация личности, интеллектуальное оскудение, утрата нравственности, углубление различий между элитой и массой, электронный терроризм и многое другое. По нашему мнению, придание научно-техническому прогрессу сакральной значимости и почти религиоз-

ное почитание его ценностей фактически приводит к деградации человеческого общества.

Замаскированная и деформированная сакральность проявляется во многих социально-политических и философских учениях. Как правило, мыслитель сознательно или бессознательно придает своим идеям абсолютную ценность, возвышая их над другими и отыскивая все новые основания их истинности. По мнению М. Элиаде, марксизм, психоанализ, социальные пророчества, «бесчисленные микрорелигии, которыми кишат все современные города» по сути своей мифологичны. Так, для психоанализа характерны «сценарии инициации» (посвящения), поскольку его содержание составляет погружение индивида в самого себя, переживание прошлого, а затем переход в новое психическое состояние. «...Пациент психоаналитиков должен преодолеть собственное “бессознательное”, где кишат лавры и чудовища, чтобы обрести здоровье, психологическую целостность и мир культурных ценностей» [2, с. 129]. Значительная часть поступков, совершаемых современным человеком, повторяет сценарии посвящения. Инициация, будучи религиозным обрядом, проявляется в нерелигиозной форме.

Итак, сакральное и мирское находятся во взаимопроникновении, сакральное присутствует в мирской жизни в религиозной и нерелигиозной форме; мирское содержит сакральное в себе самом как объективно, так и субъективно. «Большинство “неверующих” живут под влиянием псевдорелигий и деформированных мифологий. И в этом нет ничего удивительного, так как мирской человек – потомок *homo religious*; он не может уничтожить свою собственную историю, то есть поступки своих религиозных предков, которые сделали его таким, каков он сегодня» [2, с. 129–130]. По мнению М. Элиаде, деятельность бессознательного подпитывает сознание человека, но не проявляясь в сознательной религиозной вере, приводит к псевдорелигиозности. «Религия и мифология скрыты в глубине подсознания» [2].

Э. Фромм неприязненно относился к теизму, но, подобно М. Элиаде, исходил из факта религиозности человека. Понимая религию в предельно широком смысле как «любую разделяемую группой систему мышления и действий, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения» [3], он считал, что «нет такого человека, у которого не было бы религиозной потребности – потребности в системе ориентации и объекте для служения (там же). Другое дело, что эти ценности и объекты в зависимости от исторических условий могут быть разнообразными. Человек может служить предкам, богам, вождям, нации, партии, науке, деньгам, успеху, он может полагать, что у него вообще нет религии, но вопрос лишь в том, чему он поклоняется. Еще Ф. Ницше писал, что люди не подготовлены к жизни без сверхъестественного; они привыкли к подчинению, к абсолютным истинам, к определяемым свыше правилам и нормам. Им необходимы «внешние костыли», они не умеют быть свободными и опираться на самих себя.

Э. Фромм делил религии на авторитарные и гуманистические; и те, и другие могут иметь теистический и светский характер. Авторитарные религии – «полная капитуляция» перед силой, находящейся за пределами человека и господствующей над ним. В теистических религиях человек поклоняется Богу, в светских – неким абстрактным идеалам (будущее человечества, счастье других, память потомков и т. д.). Авторитарные религии делают человека зависимым, препятствуют его свободе и самореализации. Главная добродетель здесь – послушание. Гуманистические религии «избирают центром человека» и его сущностные силы. Человек должен развить свой разум, чтобы понять себя и свое место в мире, развить в себе способность сопереживания и любви к другим людям. Высшая добродетель здесь – самореализация. По мнению Э. Фромма, гуманизм проявился в буддизме, учении Сократа и раннем христианстве.

Современное общество провозглашает гуманизм как высший принцип и основание общественных отношений, но в реальности развивается новый тип идолопоклонства – «поклонение силе, успеху и власти рынка» [3], «денежное сумасшествие». «Рыночная ориентация» человека – своеобразная религия, которую он создал и исповедует.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс охарактеризовал власть денег в буржуазном обществе, где они «видимое божество», в них происходит «братание невозможностей», превращение человеческих и природных свойств в противоположности [4, с. 618]. Общество превратило деньги в некий священный символ, наделило их абсолютными свойствами, установило денежный эквивалент всех качеств и способностей человека, причем сила денег переносится на их владельца. «Поэтому то, что я емь и что я в состоянии сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину... я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, значит, в почете и их хозяин. Деньги являются высшим благом – значит, хорош и их владелец... Я скудоумен, но деньги – это реальный ум всех вещей, – как же может быть скудоумен их владелец?» (там же). Фетишизация денег превращает недостатки и немощи человека в достоинства, а их отсутствие осознается как недостаток и неспособность человеческой личности.

Ни К. Маркс, ни Э. Фромм не использовали термины «сакральное» и «мирское», поскольку традиционно им придается теистический смысл, но они не оставили без внимания и исследовали проблемы сакрализации действительности.

Для современного общества характерны сакрализация многих мирских явлений – рыночных отношений, идеологий и политических учений, культурных событий, действий и мыслей лидеров, светских ритуалов, символов, моды и т. д. Всему этому придается некий таинственный, священный смысл; сами по себе перечисленные явления не содержат ничего сакрального, но они господствуют в обществе, насаждаются СМИ и представляют объект поклонения и

почитания. Сакральное не противостоит мирскому, а органично вписано, вплетено в него. Современный человек жаждет иррационального, мистического, чуда, возможно потому, что жизнь его скучна, однообразна, обречена на повторение одних и тех же функций и погоню за материальными благами. Рациональность не удовлетворяет человека потому, что его интеллект недостаточно развит и он не умеет в полной мере использовать свои способности, направить их на самореализацию. Тем более, что в общественной жизни торжествует потребительство, стандартизация, массовая культура, препарированная СМИ информация, примитивные развлечения, а «пищи для ума все меньше» (Р. Бредбери).

Список основных источников

1. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – 4 т.
2. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
3. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : http://royallib.com/read/fromm_erih/psihoanaliz_i_religiya.html#0. – Дата доступа : 23.03.2015.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. – М. : Госполитиздат, 1956.

In the article the sacred and the profane are analyzed as the phenomena of social life. They don't confront one another, but interconnected and interact. The sacred is an element of not only religious, but also non-religious consciousness of person; it's woven into the culture in the secular form. The social values are becoming sacral, and the religious one is embodied in the mundane; in the religion society deifies itself The sacralized reality appears as a kind of totality of the simulacra, which are interpreted in the sacred sense.

The problem of the public life sacralization has not only theoretical but also practical significance. The thirst for irrational, mystical is characteristic of modern man. This problem study may help to overcome the social consciousness mystification; it promotes liberation from sacral dependency, formation of ability to think freely in relation to the well-established stereotypes, it gives rise to self-development and personal fulfillment.

УДК 339.92

С. Е. Макарова

ИНТЕГРАЦИЯ – МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ ЭВОЛЮЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Региональная интеграция, наряду с процессами глобализации, является определяющей тенденцией современной политической и геополитической картины мира. Образование новых независимых государств на постсоветском пространстве изменило существующую систему международных отношений. Актуальной задачей современности становится проблема определения места и роли национального государства в условиях создания надгосударственных образований. Новое содержа-